

DIGITALES ARCHIV

ZBW – Leibniz-Informationszentrum Wirtschaft
ZBW – Leibniz Information Centre for Economics

Kapeljušnikov, R. I.

Book

Universal'nyj bazovyj dochod: est' li u nego buduščee? :
= Universal basic income: does it have a future?

Provided in Cooperation with:

National Research University, Moscow

Reference: Kapeljušnikov, R. I. (2020). Universal'nyj bazovyj dochod: est' li u nego buduščee? : = Universal basic income: does it have a future?. Moskva : Izd. dom Vysšej školy ékonomiki.

This Version is available at:

<http://hdl.handle.net/11159/4515>

Kontakt/Contact

ZBW – Leibniz-Informationszentrum Wirtschaft/Leibniz Information Centre for Economics
Düsternbrooker Weg 120
24105 Kiel (Germany)
E-Mail: [rights\[at\]zbw.eu](mailto:rights[at]zbw.eu)
<https://www.zbw.eu/>

Standard-Nutzungsbedingungen:

Dieses Dokument darf zu eigenen wissenschaftlichen Zwecken und zum Privatgebrauch gespeichert und kopiert werden. Sie dürfen dieses Dokument nicht für öffentliche oder kommerzielle Zwecke vervielfältigen, öffentlich ausstellen, aufführen, vertreiben oder anderweitig nutzen. Sofern für das Dokument eine Open-Content-Lizenz verwendet wurde, so gelten abweichend von diesen Nutzungsbedingungen die in der Lizenz gewährten Nutzungsrechte.

<https://savearchive.zbw.eu/termsfuse>

Terms of use:

This document may be saved and copied for your personal and scholarly purposes. You are not to copy it for public or commercial purposes, to exhibit the document in public, to perform, distribute or otherwise use the document in public. If the document is made available under a Creative Commons Licence you may exercise further usage rights as specified in the licence.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

**УНИВЕРСАЛЬНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД:
ЕСТЬ ЛИ У НЕГО БУДУЩЕЕ?**

Препринт WP3/2020/04

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2020

УДК 330.59
ББК 62.272
К20

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Ростислав Исаакович.

К20 **Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее?** [Текст] : препринт WP3/2020/04 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). — 52 с. — 55 экз.

В последнее время универсальный базовый доход (UBI) стал одной из наиболее обсуждаемых тем как в академической, так и в публицистической литературе. В работе подробно описывается концептуальное ядро этого проекта, критически оцениваются философские, моральные и экономические аргументы, выдвигаемые как «за», так и «против» него, а также обобщается опыт практической реализации близких ему «по духу» социальных экспериментов. Отмечается, что UBI следует рассматривать как глобальный политико-философский и этико-экономический проект. Этим объясняется, почему его полноформатный вариант еще нигде не был реализован на практике и последствия его внедрения неизвестны. Анализ ведется в сравнительно-институциональной перспективе, что позволяет выделить наиболее важные отличия этой схемы от альтернативных форм социальной поддержки. Выделяются три линии аргументации, обосновывающие необходимость перехода к базовому доходу, — нормативная, позитивная и «алармистская» (отсылающая к негативным процессам на рынке труда). Автор приходит к выводу, что будущего у проекта UBI как реальной программы действий нет. Он противоречит новейшим трендам в эволюции государства благосостояния; связанные с ним издержки фискально неподъемны; большинством населения он воспринимается как морально неприемлемый. Скорее всего, UBI ждет судьба очередной кабинетной утопии.

УДК 330.59
ББК 62.272

Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Капелюшников Р. И., 2020
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2020

Введение

В последнее десятилетие возникла и получила повсеместное распространение интеллектуальная мода на радикальный социальный проект, известный под аббревиатурой UBI. Речь идет о системе социальной поддержки, при которой государство регулярно перечисляет всем гражданам определенную сумму денег, не выдвигая при этом никаких условий для ее получения. Литература, где обсуждается и пропагандируется этот проект, практически необозрима: буквально каждый месяц о нем выходит новая книга; непрерывно растет количество посвященных ему академических и публицистических статей; вокруг него кипят страсти в блогосфере; о его поддержке спешат заявить политики, бизнесмены, ученые, публичные интеллектуалы; по всему миру множатся эксперименты, где он проходит «обкатку» на практике.

Один из участников борьбы за выдвижение кандидатом в президенты США от Демократической партии Э. Янг включил пункт о UBI в свою предвыборную программу. Генеральный секретарь ООН А. Гутеррес недавно призвал все страны как можно скорее переходить к более мощным социальным страховочным сетям и в конечном счете – к UBI [Guterres, 2018]. Согласно опросам общественного мнения в США, в конце 2019 г. почти половина американцев положительно отнеслись бы к введению такой системы [Collier, 2020]. Нас уверяют, что за ней будущее и что чем скорее человечество воплотит ее в жизнь, тем лучше.

Аббревиатура UBI может расшифровываться по-разному: как “universal basic income” или как “unconditional basic income”, иногда пишут просто – “basic income”¹. Комбинация трех признаков (universal + unconditional + basic) – это то, что придает схеме базового дохода уникальность и отличает ее от любых других возможных форм социальной поддержки. С учетом этого первую букву в аббревиатуре

¹ Само выражение «базовый доход» в 1953 г. ввел в употребление британский экономист Дж.Д.Х. Коул, когда обосновывал необходимость перехода от рыночной экономики к плановой [Cole, 1953].

UBI нужно было бы удвоить и говорить о *UUBI* — *универсальном безусловном базовом доходе*. С содержательной точки зрения именно такое обозначение было бы наиболее корректным.

«Универсальность» подразумевает отсутствие селективности (выплаты предоставляются всем членам общества, а не выборочно отдельным группам — скажем, одиноким матерям с детьми); «безусловность» означает независимость от любых ситуационных или поведенческих критериев (выплаты предоставляются индивидам независимо от их богатства и доходов, демографических характеристик, образа жизни и т.д.); «базовость» предполагает уровень выплат, достаточный для удовлетворения минимального набора жизненных потребностей (чаще всего за точку отсчета принимают официальную черту бедности).

Сама по себе идея базового дохода далеко не нова. Обычно ее авторство приписывают американскому мыслителю и общественному деятелю Т. Пейну (1737—1809), который еще задолго до появления современных систем социальной поддержки сформулировал ее в своем памфлете «Аграрная справедливость» (1797) [Пейн, 1959]. Он предложил лишить землевладельцев права на получение земельной ренты и перечислять ее в специальный фонд, откуда затем производить выплаты всем членам общества. Это, по его замыслу, стало бы справедливой компенсацией за установление частной собственности на землю, которая изначально была общим ресурсом.

Позднее эта идея продолжала существовать в «мерцающей» форме: интерес к ней то возрождался, то вновь затухал. В XX в. близкие к ней схемы поддерживали такие выдающиеся экономисты как М. Фридман, Дж. Мид и Дж. Тобин. Однако супермодной она сделалась совсем недавно — на «хвосте» Великой рецессии 2008—2009 гг. Сегодня полная библиография по UBI насчитывает около 130 книг, из которых свыше 90 были изданы после 2010 г. [World Bank, 2020]. Невероятно возросшая популярность привела к размыванию исходного смысла проекта: ради привлечения внимания под рубрику UBI стали записывать программы, имеющие с ним мало общего или даже строящиеся на прямо противоположных ему принципах².

² Так, «базовым доходом» нередко называют разовые выплаты населению (их еще именуют «вертолетными»), к которым в периоды Великой рецессии и нынешнего «коронавирусного» кризиса прибегали правительства некоторых стран с целью стимулирования совокупного спроса. Скажем, в Австралии в 2008—2009 гг. в рамках

Чтобы избежать терминологической путаницы, экспертам Мирового банка пришлось даже ввести специальный неологизм — «программы, подобные UBI» (UBI-like programs) [World Bank, 2020].

В этом контексте возникает вопрос: насколько оправдана сверхпопулярность идеи универсального базового дохода и есть ли у нее будущее? Чтобы ответить на него, нам предстоит решить несколько задач — вычленить концептуальное ядро этого проекта, критически оценить философские, моральные и экономические аргументы, выдвигаемые как «за», так и «против» него, а также обобщить опыт практической реализации близких ему «по духу» социальных экспериментов.

Общая характеристика

Если позволить себе немного вульгарного социологизма и задать-ся вопросом, чьи идеалы воплощает идея UBI, интересам каких социальных групп она соответствует больше всего, ответ будет достаточно неожиданным: это утопия, это голубая мечта, это исполнение заветных чаяний артистической богемы. В самом деле: при UBI появляется возможность годами писать роман-нетленку, не отвлекаясь ни на что другое, и при этом худо-бедно сводить концы с концами. Можно непрерывно бегать по кастингам на киностудии, где тебя никто не берет, не подрабатывая при этом официантом или посудомойкой. Можно бесконечно писать картины, которые никому не интересны, и при этом жить пусть в скромном, но все же достатке. Схема базового дохода позволяет отрешиться от житейских забот, целиком посвятив себя творчеству, причем независимо от того, пользуются ли его плоды признанием окружающих или нет.

Одновременно проект UBI предстает как абсолютный антипод традиционной благотворительности (как частной, так и общественной), всегда исходившей из принципа нуждаемости по отношению

пакета мер по поддержке экономики было введено несколько подобных бонусных схем. Выплаты получили 90% домохозяйств и примерно 80% индивидов трудоспособного возраста; средний размер выплат составил 1,6 тыс. австралийских долларов (примерно 4–5% среднегодового дохода). Однако при всем внешнем сходстве «вертолетные» выплаты очень далеки от UBI, они преследуют иные цели и имеют иной дизайн. Главное отличие состоит в том, что они не обеспечивают минимально достаточного уровня доходов на протяжении *всей жизни* человека.

к нетрудоспособным и принципа достойности по отношению к трудоспособным. В ее основе лежала идея взаимности: ты перестаешь пьянствовать и мы находим тебе работу; ты перестаешь выходить на панель и мы обеспечиваем тебе крышу над головой; ты начинаешь ежедневно посещать церковь и мы оплачиваем твоё образование; и т.д. Если традиционная благотворительность была жестко обусловленной, то UBI не предполагает никаких условий — ни связанных с проверкой нуждаемости, ни связанных с контролем за достойностью поведения. Выплаты равного размера получают как больные, так и здоровые, как прозябающие в нищете, так и утопающие в роскоши, ведущие как достойный, так и недостойный образ жизни. Квази-обмен, составлявший моральный фундамент традиционной благотворительности (материальная поддержка в обмен на «правильное» поведение), полностью отбрасывается.

При этом UBI не имеет жесткой идеологической привязки, существуя поверх традиционных идеологических и политических барьеров. Сторонники этой идеи обнаруживаются во всех частях политического спектра: и среди прогрессистов, и среди консерваторов, и среди либертарианцев. Экономическую эффективность, которую так ценят правые, она сочетает с перспективой масштабного перераспределения, которая так важна левым. Для правых схема базового дохода привлекательна тем, что наносит мощный удар по системе государственной бюрократии и предоставляет людям свободу жить не по указке чиновников, а так, как они сами считают нужным; для левых — тем, что не оставляет в состоянии бедности ни одного человека и направляет основную часть выплат группам с невысокими доходами, тогда как группам с высокими доходами достается гораздо меньше. Политическую «всеядность» UBI хорошо выражает формула бельгийского философа-марксиста Ф. Ван-Парайса, назвавшего базовый доход «капиталистической дорогой к коммунизму» [Van Parijs, 1985]³.

Критика проекта базового дохода также звучит из самых разных частей политического спектра: атаки на него ведутся как справа

³ Не менее красноречивый пример дают лекции, которые в конце 1970-х годов читал в Коллеж де Франс М. Фуко — возможно, главный «святой» современных левых интеллектуалов [Фуко, 2010]. В них поражает его полная зачарованность проектом негативного подоходного налога, этим братом-близнецом UBI, выдвинутым М. Фридманом в книге «Капитализм и свобода» [Фридман, 2005].

(А. Лаффер, Д. Хендерсон), так и слева (П. Кругман, Т. Пикетти). Противники схемы UBI отвергают как необходимость, так и возможность перехода к ней, указывая на присущие ей неэффективность и несправедливость. По их мнению, она не только сопряжена с огромными экономическими потерями, но и чревата отрицательными распределительными последствиями, не уменьшая, а увеличивая бедность и неравенство.

Можно выделить три основных версии UBI в зависимости от того, какую судьбу они готовят традиционному государству благосостояния [De Wispelaere, Stirton, 2004]. Первая (узкая) настаивает на полном демонтаже сложившихся механизмов социальной поддержки и их замене базовым доходом. Вторая (широкая) выступает за то, чтобы сохранить их в неизменном виде, но в качестве еще одного дополнительного этажа надстроить над ними систему UBI. Наконец, третья (гибридная) предусматривает отказ от части существующих социальных программ и совмещение оставшихся с выплатами базового дохода. Альтернативные сценарии возлагают на государственный бюджет неодинаковое финансовое бремя и требуют неодинаковой по масштабам и сложности организационной перестройки. Но все они предполагают, что вместо хаотичного нагромождения разнородных трансфертных программ или, по меньшей мере, в дополнение к ним появится единообразный прозрачный трансферт, предельно легкий в администрировании.

Конечно, отношение к традиционному государству благосостояния — это лишь одна из развилочек, возникающих при конструировании системы базового дохода. Существует немало вопросов более технического порядка, по которым мнения ее сторонников также нередко расходятся.

Скажем, кому предоставлять выплаты? Всему населению или только взрослому? Всем жителям страны без каких-либо исключений или только тем, кто имеет ее гражданство? Только лицам трудоспособного возраста [Murray, 2006] или также и тем, кто уже вышел на пенсию? Чаше всего встречающийся вариант ответа, который во многом диктуется фискальными соображениями, — только взрослым и только гражданам, хотя и независимо от возраста.

Как финансировать UBI? За счет повышения налогов? Сокращения расходов? Нарастивания государственного долга? Из каких-то специальных источников? Практически никто из сторонников UBI

не решается выступать за вариант дефицитного финансирования, поскольку огромный государственный долг, накопленный большинством стран, делает его заведомо непроходным как политически, так и экономически. Что касается специальных источников финансирования, то на эту роль вслед за Т. Пейном чаще всего предлагается рента от природных ресурсов, переданных в собственность всего общества. Классический пример — американский штат Аляска, где в 1970-е годы после открытия богатых залежей нефти был учрежден Перманентный фонд (Permanent Fund), куда начали отчислять не менее 25% доходов от ее продажи. Примерно половина поступлений направляется на прямые выплаты населению; размер выплат не является постоянным и устанавливается ежегодно решениями законодательного органа штата. Так, в 2019 г. 631 тыс. жителей Аляски получили по 1,6 тыс. долл. каждый. Однако, как показывает опыт, природной ренты никогда не бывает достаточно, чтобы профинансировать универсальные выплаты, обеспечивающие прожиточный минимум⁴. (Скажем, в США официальная черта бедности примерно в восемь раз превышает сумму 1,6 тыс. долл.) В конечном счете выбор сводится к извечной дилемме — повышать налоги или сокращать государственные расходы? Вполне ожидаемо, что сторонники UBI из левого лагеря отдают предпочтение первой стратегии, тогда как из правого — второй.

Еще одна критически важная развилка — щедрость выплат. Чем выше уровень, на котором их предполагается установить, тем убедительнее начинают звучать доводы в пользу полной замены традиционного государства благосостояния базовым доходом. Чтобы не допустить этого, многие сторонники UBI из числа левых предлагают в качестве первого шага ввести выплаты в несколько раз ниже официальной черты бедности, именуя этот вариант «частичным базовым доходом» [Ван Парайс, Вандерборхт, 2020]. Но выплаты, которые не обеспечивают прожиточного минимума и требуют привлечения

⁴ Доходы от игорного бизнеса — еще один источник финансирования, который используется в США в некоторых резервациях, где проживают представители коренного населения Америки индейцы. Но и он, как правило, обеспечивает выплаты намного ниже черты бедности. В качестве примера еще более экзотической схемы можно сослаться на предложения некоторых экономистов финансировать систему базового дохода за счет налога на выбросы углекислого газа [Nystrom, Luckow, 2014; Farley, 2016].

средств из других источников, едва ли корректно называть «базовыми» [Hoynes, Rothstein, 2019]. В таком случае проект UBI утратил бы значительную часть своей привлекательности, поскольку тогда он не достигал бы главной цели — полного искоренения бедности.

Во многих публикациях последнего времени предлагается рассматривать UBI в качестве точечной технологии, которую можно использовать для ремонта отдельных звеньев традиционной модели государства благосостояния [World Bank, 2020]. С такой узкой трактовкой трудно согласиться. Во всяком случае, сами сторонники UBI видят в нем глобальный политико-философский и этико-экономический проект: «Смысл базового дохода не просто в том, чтобы облегчить тяготы, а в том, чтобы освободить нас всех. Это не просто способ сделать жизнь на Земле более сносной для нуждающихся, а ключевая составляющая тех преобразований в обществе и мире, которых мы ждем с нетерпением» [Ван Парайс, Вандерборхт, 2019, с. 25]. Если существует такая вещь как «социальный контракт», то можно сказать, что UBI нацелен на замену его нынешней формы новой, имеющей совершенно иные моральные основания.

Этот переворот позволил бы перейти к новой системе социальной поддержки, способной гораздо успешнее сокращать бедность, снижать неравенство и смягчать риски, чем это удастся делать существующим государствам благосостояния. Внедрение UBI означало бы безоговорочный отказ от принципа адресности в социальной политике (ориентации на критерии нуждаемости и активации трудовой деятельности). Де-факто речь идет о развороте на 180 градусов по отношению к «канонической» модели, утвердившейся в последние десятилетия прошлого века, когда условные программы начали рассматриваться в качестве наиболее прогрессивного и эффективного механизма оказания социальной помощи.

UBI в сравнительно-институциональной перспективе

Анализ в сравнительно-институциональной перспективе позволяет лучше понять, чем дизайн UBI отличается от дизайна наиболее распространенных форм социальной поддержки, образующих костяк современных государств благосостояния [Van Parijs, 2004]. Ключевые конструктивные особенности этого проекта суммированы в табл. 1.

Таблица 1. Отличия базового дохода от стандартных социальных программ

Базовый доход	Выплаты в рамках альтернативных программ
Универсальный	Селективные, категориальные
В денежной форме	В натуральной форме
Индивидуальный (не зависит от доходов партнера и структуры семьи)	На уровне домохозяйства (рассчитываются с учетом экономии на масштабе)
Нестраховой (не зависит от предыдущих взносов и наступления страховых случаев)	Страховые
Безусловный (не зависит от дохода и богатства, без условий и карательных санкций)	Условные (с проверкой нуждаемости, поведенческими критериями и карательными санкциями)
Плоский (недифференцированный)	Дифференциация по нуждаемости и/или заслугам
Бессрочный, пожизненный (не предусматривает отмены и поэтапного сокращения)	Срочные (ограничены по времени и допускают поэтапное сокращение)
Регулярный (месячный)	Разовые

Во-первых, схема базового дохода предполагает универсальный охват социальными выплатами — они направляются всем членам общества. В этом смысле она противостоит разнообразным категориальным программам, когда выплаты адресуются отдельным группам, которые рассматриваются либо как особо нуждающиеся (одинокое женщины с детьми), либо как имеющие особые заслуги (ветераны). Во-вторых, в рамках UBI выплаты предоставляются исключительно в денежной форме. Это отличает схему базового дохода от большого числа социальных программ, когда поддержка оказывается в натуральной форме (образовательные ваучеры, продуктовые талоны и т.д.). В-третьих, получателями базового дохода выступают индивиды, а не домохозяйства, как в большинстве случаев происходит сейчас. Размер выплат не меняется в зависимости от состава и числа членов семьи, а также в зависимости от доходов партнера, если речь идет о супружеских парах. Как следствие, UBI оказывается более дорогостоящей формой социальной поддержки по сравнению с программами, в которых получателями выплат выступают домохозяйства,

так как в них с учетом экономии на масштабе величина душевых трансфертов может корректироваться в сторону снижения (для чего используются различные шкалы эквивалентности). В-четвертых, базовый доход имеет нестраховую природу: его выплаты не зависят от предыдущих взносов или наступления страховых случаев. Если программы, строящиеся на страховых принципах, гарантируют лишь *возможность* получения трансферта при определенном стечении обстоятельств, то UBI гарантирует *обязательность* его получения безотносительно к каким бы то ни было будущим событиям. В-пятых, выплаты базового дохода выступают как бессрочные и пожизненные, тогда как иные формы поддержки предоставляются на ограниченный срок и по его истечении прекращаются. В-шестых, базовый доход является плоским: равная сумма выплачивается всем членам общества без дифференциации по критериям нуждаемости, заслуженности или каким-либо иным.

В-седьмых, и это ключевой момент, выплаты в рамках UBI мыслятся как безусловные: они не зависят ни от доходов и богатства получателей, ни от соблюдения/несоблюдения ими правил доступа, которые может вводить государство. Исключается также возможность каких-либо поэтапных сокращений по мере увеличения периода получения выплат (как это происходит, например, с пособиями по безработице). Большинство социальных программ традиционного типа имеют принципиально иную конструкцию, поскольку делают акцент на условности предоставляемых трансфертов. Трансферты не выплачиваются тем, у кого доходы или богатство превышают определенный пороговый уровень (черту бедности), а также тем, кто нарушает установленные правила поведения (так, безработные лишаются права на пособие, если не прилагают активных усилий к поиску новой работы). UBI, как уже говорилось, отбрасывает базовые принципы, на которых строилась традиционная модель государства благосостояния, — проверку нуждаемости и установку на активацию трудовой деятельности.

Наконец, выплаты базового дохода планируются как регулярные: чаще предлагается сделать их ежемесячными, реже — ежеквартальными. В любом случае они не могут быть разовыми. К примеру, в 2011 г. по случаю пятидесятилетия независимости правительство Кувейта перечислило каждому жителю страны сумму, эквивалентную 3,5 тыс. долл. США. Однако назвать базовым доходом такую одно-

кратную выплату, пусть даже адресованную без каких-либо условий всему населению, значило бы злоупотреблять терминами.

С учетом уникального набора характеристик, отличающих UBI, едва ли удивительно, что полноформатная система базового дохода нигде никогда не была опробована и что реальные последствия ее внедрения неизвестны. В лучшем случае можно говорить о «UBI-подобных» программах и экспериментах. В обзоре Мирового банка, опубликованном в 2020 г., обобщен опыт 24 наиболее известных проектов, осуществленных в разное время в разных странах [World Bank, 2020]. В зависимости от широты охвата эксперты Мирового банка разделили их на три категории — «полномасштабные», «крупные» и «пилотные» (Приложение, табл. П1). Две программы (в Монголии и Иране) были отнесены к первой группе, шесть ко второй и остальные к третьей.

Таблица П1, содержащая схематичные описания этих экспериментов, позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, среди программ, проходивших апробацию, абсолютно преобладали крошечные пилотные проекты с охватом от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Естественно, ни о какой «универсальности» в таких случаях говорить не приходится. Во-вторых, практически все эксперименты были рассчитаны на короткий срок, составлявший в лучшем случае несколько лет. Из них невозможно узнать, как поменялось бы поведение людей, если бы базовый доход выплачивался пожизненно. В-третьих, в подавляющем большинстве экспериментов выплаты устанавливались на уровне намного ниже прожиточного минимума. В-четвертых, под рубрикой «базового дохода» нередко фигурировали проекты, не имевшие с ним ничего общего. Наиболее яркий пример — Италия, где абсолютно стандартная по дизайну программа с проверкой нуждаемости и активацией занятости (Reddito di Cittadinanza) стала преподноситься как практическое воплощение идеи UBI⁵.

⁵ Программа Reddito di Cittadinanza (в переводе — «Доход гражданина») была введена в Италии в 2019 г. Выплаты предоставляются семьям с душевым доходом ниже черты бедности (780 евро в месяц). Заявители должны постоянно проживать в стране не менее 2 лет, если они граждане Италии, и не менее 10 лет, если они граждане стран ЕЭС; они не должны владеть недвижимостью стоимостью выше определенной суммы, приобретать в последние полгода транспортные средства, а также владеть судами. Получатель обязан зарегистрироваться в местном центре занятости и по его направлению отбывать не менее 8 часов в неделю на общественных

По мнению экспертов Мирового банка, все-таки двум странам — Монголии и Ирану — удалось реализовать полномасштабные программы UBI на практике. Но так ли это? Можно ли обнаружить у монгольской и иранской программ атрибуты «настоящего» UBI?

Монгольская программа начала действовать в 2010 г. после того, как на мировых рынках резко выросли цены на медь, богатые залежи которой есть в стране. Было принято решение перечислять дополнительные доходы от продажи меди в специальный Фонд человеческого развития, из которого затем финансировать регулярные денежные выплаты всему населению. Первоначально речь шла о месячной сумме, эквивалентной 7 долл. США, через год ее подняли до 17 долл. Однако когда мировые цены на медь упали, правительству не осталось ничего другого как перейти к финансированию выплат за счет наращивания государственного долга. За три года государственный долг Монголии увеличился более чем в полтора раза, произошел резкий скачок инфляции. Из-за исчерпания финансовых ресурсов программу пришлось свернуть, так что в общей сложности она просуществовала немногим более двух лет. Главное, что отличало ее от «настоящего» UBI, — это мизерный размер выплат, которые ни при каких условиях не могли претендовать на то, чтобы именоваться «базовым доходом». Но для экономики Монголии даже такие относительно скромные суммы стали непосильным бременем.

Что касается иранской программы, то ее ввели в 2010 г. в качестве компенсации за отмену субсидий населению на продовольствие и топливо. Проще говоря, это был заурядный случай «монетизации льгот». Месячные выплаты, установленные на уровне 455 тыс. рупий (примерно 40–45 долл. США), составляли 15% минимальной заработной платы. В последующие годы из-за резко ускорившейся инфляции они потеряли примерно две трети своей первоначальной покупательной способности. Но сумма, равная 5% минимальной заработной платы, также не может считаться достаточной для удовлетворения базовых нужд человека.

работам. При отказе от двух предложенных центром вакансий выплаты прекращаются. Деньги перечисляются на специальную карту, с которой могут расходоваться только на продукты питания и медицинские услуги. Если у человека есть работа, то ему выплачивается только разность между суммой 780 евро и его рыночным доходом. Как видим, налицо все признаки «стандартных» условных программ.

Монгольский и иранский кейсы скорее подтверждают, чем опровергают тезис об отсутствии в настоящее время практического опыта по внедрению полноформатных программ базового дохода: к каким последствиям они могут привести в реальной жизни, по-прежнему остается неизвестным.

Как упоминалось, ближайшим «родственником» проекта универсального базового дохода выступает проект негативного подоходного налога (negative income tax — NIT). Нередко их объединяют и рассматривают как модификации одной и той же общей идеи. Как и схема UBI, схема NIT имеет давнюю историю, но предметом активных общественных дискуссий она стала лишь в 60-е годы прошлого века благодаря популяризации в книге М. Фридмана «Капитализм и свобода», где была изложена ее простейшая версия [Фридман, 2005]. В США при президенте Р. Никсоне негативный подоходный налог едва не был принят в качестве общенациональной программы (вето на законопроект наложил Сенат). В 1970-е годы несколько американских штатов провели серию экспериментов с NIT (табл. П1), которые дали противоречивые результаты и получили неоднозначную оценку в исследовательской литературе.

Суть идеи NIT достаточно проста. Все современные налоговые системы предусматривают определенный минимальный уровень дохода, ниже которого налоги не взимаются. Предположим, что этот порог равен 10 тыс. долл. в год. Если установить ставку негативного налога, к примеру, на уровне 50%, то схема будет работать так. Трансферт индивидам с нулевым годовым доходом составит 5 тыс. долл. $[(10 - 0) \times 0,5]$; индивидам с годовым доходом 1 тыс. долл. — 4,5 тыс. долл. $[(10 - 1) \times 0,5]$; и т.д. Индивиды с доходом 10 тыс. долл. не получают от государства ничего $[(10 - 10) \times 0,5]$, а все, у кого доходы превысят этот уровень, станут платить позитивные налоги.

Можно показать (и это многократно делалось), что при определенных значениях минимального дохода и ставки налога схема NIT превращается в точную копию схемы UBI [Van Parijs, 2004]. В «бухгалтерском» (accounting) смысле они полностью эквивалентны: «Различие между двумя этими сценариями чисто номинальное, тогда как реальные денежные потоки в них идентичны» [Honkanen, 2014].

Между NIT и UBI действительно много общего. Так, они преследуют одну и ту же цель — гарантировать всем определенный минимум дохода, ниже которого не опускался бы никто. Ликвидируя ло-

вушки бедности и безработицы, которые создают традиционные социальные программы (см. ниже), они не подрывают стимулов к труду. При подборе соответствующих параметров обе схемы порождают одинаковые распределительные последствия. И та и другая крайне просты по дизайну и обеспечивают резкое снижение бюрократических издержек.

Однако «бухгалтерское» тождество не гарантирует «поведенческое» тождества. Так, если UBI обеспечивает абсолютную безусловность выплат (любые предварительные условия устраниаются), то NIT — лишь относительную (поведенческие критерии — вроде требования искать работу — устраниаются, но проверка нуждаемости сохраняется). Чтобы получить право на негативный подоходный налог, индивид должен предоставить социальным службам исчерпывающую информацию о своих заработках, то есть, во-первых, собрать необходимый пакет документов и, во-вторых, быть готовым к регулярным проверкам достоверности сообщаемых им сведений. Доступ к NIT он получает только после оценки всех его доходов из других источников.

UBI действует *ex ante* — до получения индивидом каких-либо доходов, тогда как NIT *ex post* — после их получения, причем только в том случае, если их сумма оказывается ниже установленного государством минимума [Van Parijs, 1992]. Претендент на получение NIT должен доказать, что подпадает под критерии доступа к программе, тогда как получатель UBI ничего доказывать не должен. Как подчеркивает Ван Парайс, «в реальном мире есть громадная разница между ситуацией, когда гарантия минимального дохода дается всем *ex ante*, без каких-либо вопросов, на которые нужно отвечать, как это происходит при схеме базового дохода, и ситуацией, когда эта гарантия дается только тем, кто способен предоставить необходимые свидетельства того, что имеет в настоящее время недостаточный доход» [Ibid., p. 5].

Еще одно важное отличие: базовый доход направляется индивидам, негативный подоходный налог — домохозяйствам. По сравнению со схемой NIT схема UBI оказывается, с одной стороны, более дорогостоящей (выплаты производятся без учета экономии на масштабе в потреблении), но, с другой, свободной от вмешательства государства в личную жизнь индивида (он получает выплаты независимо от характеристик домохозяйства, членом которого является).

Обе схемы ликвидируют антистимулы к труду для низкодходных групп. Но если одновременно с этим UBI ослабляет стимулы к труду для всех остальных групп (см. ниже), то при NIT этого не происходит.

И, наконец, главное: в случае NIT объем ресурсов, перераспределяемых через государственный бюджет, оказывается на порядок меньше, чем в случае UBI. Причина проста: получателями NIT выступают лишь те, у кого доход не дотягивает до установленного минимума, тогда как получателями UBI — все члены общества. Соответственно фискальная нагрузка, связанная с негативным подоходным налогом, оказывается гораздо ниже: налогов требуется меньше просто потому, что основной массе населения государство ничего не платит. Как следствие, NIT не налагает на экономику того неподъемного бремени, какое налагает на нее UBI⁶. По сравнению со схемой универсального базового дохода схема негативного подоходного налога предстает и как более реалистичная и как менее дорогостоящая.

Линии аргументации

Существуют три основных линии аргументации, обосновывающие желательность и необходимость полной или частичной замены традиционной модели государства благосостояния базовым доходом. Хотя нередко они пересекаются, это все же разные видения проблемы.

Нормативный подход. Первый подход носит преимущественно нормативный характер. Утверждается, что общество, где все станут без каких-либо условий получать фиксированные выплаты от государ-

⁶ Проиллюстрируем это на условном примере. Пусть и при NIT и при UBI человек имеет один и тот же рыночный доход — 100 долл., и один и тот же располагаемый доход — 70 долл. Формально эти ситуации для него эквивалентны. Но если в первом случае с его рыночного дохода удерживается налог, равный 30 долл., и на этом все заканчивается, то во втором с его рыночного дохода удерживается налог, равный 60 долл., и затем 30 долл. возвращаются ему в виде базового дохода. Эквивалентность нарушается: одно дело получать 30 долл. в качестве компенсации за дополнительные затраты труда и другое — получать их в качестве «подарка» от государства безотносительно к вложениям труда. Это разные ситуации, и они будут вызывать разные поведенческие реакции.

ства, будет более свободным, более справедливым и более солидарным.

С этой точки зрения главное в проекте UBI — его эмансипаторный потенциал: «Его цель в том, чтобы уменьшить неравномерность и увеличить справедливость распределения реальной свободы, возможностей и шансов. Предоставление всем базового дохода помогает уравнивать людей в том, что им дается извне, в материальных основах их реальной свободы, и лишь следствием этого, опосредованным и не таким однозначным, является уравнивание людей в достигаемом ими при помощи того, что им было дано» [Ван Парайс, Вандерборхт, 2019, с. 178]. Наиболее активно этот тезис разрабатывают философы и экономисты левого толка, но его разделяют и многие авторы, стоящие на классических либеральных и либертарианских позициях⁷.

В существующем государстве благосостояния сторонники UBI усматривают механизм дисциплинарной власти, стоящий в одном ряду с такими институтами как тюрьма, казарма или психиатрическая лечебница. Оно создает многочисленные зоны несвободы, когда люди подпадают под жесткий контроль социальных служб с их «бюрократическими, полицейскими, инквизиторскими расследованиями» [Фуко, 2010, с. 260]. Во-первых, получатели пособий должны «расчехляться» перед государством, предоставляя ему информацию о себе, своих семьях и своем образе жизни. Процедура регистрации не только обременительна (сбор документов, сложности оформления, длительное стояние в очередях и т.д.), но и унизительна, поскольку получателям пособий приходится проходить через мелочные, деморализующие и оскорбляющие человеческое достоинство тесты, касающиеся интимных подробностей их жизни. Во-вторых, чтобы сохранить право на пособие, им приходится придерживаться строго определенного образа жизни: скажем, безработные должны активно искать новую работу, участвовать в программах переподготовки, соглашаться по направлению служб занятости на непривлекательные

⁷ Так, в одной из своих работ М. Фридман с сочувствием цитировал высказывания тех, кто на опыте сталкивался с работой социальных служб: «Свободу этих людей [получателей пособий. — *Р. К.*] государственные чиновники по-настоящему попирают. Они не могут переехать с одного места на другое без разрешения работника социальной службы. Они не могут купить продукты на кухню, предварительно не оформив письменный заказ. Вся их жизнь находится под контролем социальных служб» [Friedman, 1975, p. 27; цит. по: Ван Парайс, Вандерборхт, 2019, с. 18].

рабочие места и не заниматься подработками; одинокие матери с детьми не должны выходить замуж; те, кто получает продовольственные талоны, не могут тратить их ни на что другое кроме еды; и т.д. В-третьих, поведение получателей пособий становится объектом неусыпного надзора и контроля: их подвергают регулярно повторяющимся проверкам и за нарушения карают санкциями (например, в форме частичного или полного лишения выплат): «“Активное” (или “активизирующее”) государство благосостояния, понимаемое в этом репрессивном смысле, следит за реальными получателями пособий с целью выяснить, действительно ли они неспособны работать или действительно ли они ищут работу» [Ван Парайс, Вандерборхт, 2019, с. 49].

Традиционное государство благосостояния не только агрессивно, но и патерналистично, так как пытается заставить реципиентов жить так, как ему представляется правильным. Оно выступает как патерналист, лучше их знающий, в чем состоят их «истинные» интересы и какой образ жизни им надлежит вести: «Наши системы социального обеспечения навязывают определенный образ жизни, к которому они принуждают индивидов, и любое лицо или любая группа, которые по тем или иным причинам не захотят или не смогут принять подобный образ жизни, маргинализируются самим способом функционирования этих институтов» [Fuscauld, 1988, p. 164–165].

С этой точки зрения система базового дохода предстает как максимально антипатерналистская форма социальной поддержки, какую только можно себе представить. Она освобождает людей от «любых форм контроля над тем, как они устраивают свою жизнь» [Van Parijs, 2004, p. 12]. Ее можно назвать *антропологически нейтральной*, поскольку она не требует, чтобы человек раскрывался перед государством, становился другим, чем есть сейчас, или менял свой стиль жизни. Выплаты предоставляются всем независимо от каких бы то ни было личностных или поведенческих характеристик. Огромный эмансипаторный потенциал схемы UBI связан именно с этим — с тем, что она освобождает низшие слои общества от дисциплинарной власти государства: «Базовый доход дает людям возможность выбора: покинуть рынок труда, переместиться на более конкурентный рынок, инвестировать в обучение, взять на себя предпринимательский риск и т.д. И наличие выбора позволяет им избегать подчинения воле других людей. Выбор позволяет им сказать «нет» предложе-

ниям, с которыми они согласились бы, лишь находясь в крайней нужде. Он позволяет им распоряжаться своей жизнью в соответствии с их собственными планами, их собственными целями и их собственными желаниями. Он позволяет им быть свободными» [Zwolinski, 2013]. У огромного числа людей появляется материальная возможность экспериментировать с разными стилями жизни, в том числе достаточно далекими от общепринятых моральных норм.

Отказ от каких бы то ни было условий превращает базовый доход в право, которым располагают все члены общества. По словам британского экономиста Г. Стэндинга, «вы не обладаете правом, если должны сделать *x*, *y* и *z* для того, чтобы получить некую выплату» [Standing, 2005, p. 5]. UBI делает общество более равным и справедливым, поскольку значительная часть общественного пирога начинает делиться между его членами строго поровну.

Наконец, введение базового дохода может стать фактором сплочения общества и укрепления в нем духа солидарности: когда государство раздает деньги всем, исчезает почва для взаимного недоверия и конфликтов между налогоплательщиками и получателями пособий. Универсальность выплат будет способствовать выработке у них чувства общности, так как в этом смысле все окажутся «в одной лодке» [Collier, 2020].

Позитивный подход. Вторая линия аргументации имеет не столько нормативную, сколько позитивную направленность: ее фокус — озабоченность чудовищной неэффективностью традиционных государств благосостояния, которые признаются громоздкими, коррумпированными и крайне расточительными. Это институциональные монстры, состоящие из сотен дорогостоящих, разнородных и нескоординированных социальных программ. Многие из этих программ друг друга дублируют, а многие друг другу противоречат; до многих из тех, кому адресована помощь, она не доходит, а многие из тех, кому она не предназначена, ее получают; щедрые трансферты, раздаваемые государством, подрывают стимулы к труду и сбережениям; деятельность социальных служб сопровождается сверхвысокими административными издержками; непомерно раздутые социальные расходы обременяют экономику, тормозя ее рост; в обществе укореняется паразитическая «культура велфера» (пожизненной зависимости от государства).

В качестве примера можно сослаться на опыт США, где только на федеральном уровне существует 126 программ, нацеленных на борьбу с бедностью. У каждой имеются собственная бюрократия, собственный головомолный набор правил доступа, собственные внушительные и непрерывно растущие накладные расходы. Многие из тех, кто подходит под все критерии, не пытаются получать социальные выплаты либо потому, что вообще не знают об их существовании, либо потому, что не представляют, какие шаги нужно для этого предпринять. Институциональный хаос порождает коррупцию и погоню за рентой, превращая государства благосостояния в арену ожесточенной борьбы между многочисленными группами со специальными интересами [Zwolinski, 2014].

Даже простейшие расчеты свидетельствуют о явной дисфункциональности существующих систем социальной поддержки. Так, в США федеральные расходы на программы по борьбе с бедностью составляют порядка 1 трлн долл. в год. Если бы вся эта сумма адресовалась исключительно беднякам, то на каждого из них пришлось бы более 20 тыс. долл. [Ibid.]. С учетом того, что в США официальная черта бедности составляет сейчас примерно 12,5 тыс. долл. в год, проблема бедности была бы мгновенно решена. Тот факт, что этого не происходит, ясно показывает, насколько деятельность современных государств благосостояния далека от декларируемых ими целей.

Весь этот клубок проблем можно было бы легко распутать, внедрив UBI. Это не оставило бы ни одного нуждающегося без поддержки; устранило бы систематические искажения в стимулах к труду; ликвидировало бы «византийскую» систему постоянно усложняющихся правил доступа; резко снизило бы административные издержки; не оставило бы места для бюрократического произвола, сведя к минимуму возможности для оппортунизма и извлечения политической ренты; позволило бы упразднить десятки правительственных служб с их громоздким бюрократическим аппаратом; упростило бы управление системой социальной поддержки настолько, что с этим мог бы справиться компьютер. Устранение непомерно раздутой бюрократии означало бы больше денег на руках у бедных и более низкие издержки для налогоплательщиков.

По сравнению со статус-кво система базового дохода предстает не только как более справедливая, но и как более эффективная.

Алармистский подход. Последний, третий, подход обосновывает необходимость перехода к UBI негативными процессами на рынке труда, причем не столько текущими, сколько ожидаемыми в будущем.

Утверждается, что разворачивающаяся на наших глазах Четвертая промышленная революция, связанная с роботизацией, цифровизацией и разработкой искусственного интеллекта, рано или поздно породит гигантскую технологическую безработицу. Впереди человечество ждет «Робокалипсис», когда машины начнут в массовом порядке вытеснять людей из производства. Миллионы рабочих мест, от водителей грузовиков до бухгалтеров, будут «съедены» искусственным интеллектом, причем те, кто трудился на них раньше, уже никогда не смогут найти себе другую работу, потому что в условиях Робокалипсиса новые рабочие места просто перестанут создаваться: «Реальность такова, что нам предстоит будущее без рабочих мест, в котором основная часть работ, выполняемых людьми, будет выполняться машинами. Роботы будут водить наши автомобили, изготавливать наши товары и заниматься нашими домашними делами, но в нем останется мало что делать человеческим существам» [Ford, 2015; цит. по: Bailey, 2017]. Следствием этого станет возникновение «массивного нового неработающего класса... “бесполезного класса”, который будет не просто незанятым, но который будет и неспособен быть занятым» [Naragi, 2017]. По расчетам алармистов, уже в ближайшие 10–15 лет отомрет примерно половина всех существующих рабочих мест, причем работникам, которые их имеют, уже никогда не удастся вернуться обратно на рынок труда [Frey, Osborne, 2013].

Сверхвысокая технологическая безработица неизбежно лишит миллионы людей средств к существованию. В этом контексте известный социолог Д. Крокер рисует леденящую кровь картину: «В мысленном эксперименте с полностью автоматизированной экономикой, когда весь ВВП производился бы машинами в комбинации с землей, не было бы никакой заработной платы. Это крайность, но в такой экономике спроса вообще бы не существовало» [Crocker, 2015, р. 101]. Очевидно, что традиционное государство благосостояния неспособно справиться с новыми вызовами, которые несет с собой нашествие роботов.

Чтобы новому неработающему классу было на что жить, нужно срочно вводить систему базового дохода: это единственной путь спа-

сения. Среди тех, кто обосновывает необходимость скорейшего перехода к UBI ссылками на последствия Четвертой промышленной революции, — Б. Гейтс, И. Маск, М. Цукерберг и многие другие. По их мнению, обеспечить будущих жертв технологической безработицы минимумом средств к существованию сможет только система UBI.

Еще один источник алармизма связан с предполагаемым ростом нестандартной занятости, или, если воспользоваться красочным выражением Стэндинга, «прекариата» (от *precarious* — ненадежный, рискованный, случайный) [Standing, 2011]. К этой категории принято относить всех, кто работает без официально оформленных бессрочных трудовых контрактов на полное рабочее время. Это самозанятые, неполностью занятые, занятые по контрактам на фиксированный срок, работники агентств по лизингу персонала, случайные работники, работники неформального сектора и т.д. В последние годы к ним добавились платформенная занятость и работа по вызову работодателя, которые получили широкое распространение в рамках нового сектора — так называемой «гиг-экономики» [Abraham et al., 2018]. Занятость в «гиг-экономике» отличается исключительно высокой волатильностью, потому что приобретение товаров и услуг опосредуется в ней электронными устройствами, подключенными к Интернету (хрестоматийный пример — деятельность компании «Убер»). Нестандартные рабочие места, как правило, менее надежны и хуже защищены, а следовательно, не гарантируют ни стабильной занятости, ни стабильного дохода.

Сторонники UBI исходят из того, что неизбежными следствиями глобализации и технологического прогресса станут резкое сжатие анклава «хороших» и бурное разрастание анклава «плохих» («прекарных») рабочих мест, не связанных ни с какими формами социального страхования или социальной защиты [Standing, 2011]. В результате миллионы людей лишатся устойчивой занятости, стабильного дохода и хотя бы минимальной защищенности от рисков. Базовые институты рынка труда (законодательство о минимальной заработной плате, страхование по болезни, безработице и старости, охрана труда, коллективные договоры и др.) создавались для защиты работников, занятых на стандартных рабочих местах, но к защите работников, занятых на нестандартных рабочих местах, они не приспособлены и по сути их не замечают. Традиционная модель государства благосостояния неспособна обеспечить таким работникам

сколько-нибудь приемлемый уровень экономической безопасности. Справиться с этой задачей под силу только системе базового дохода: ведь она предоставляет поддержку всем безотносительно к различиям в формах занятости. И так как нестандартная занятость стремительно вытесняет стандартную, к UBI необходимо переходить прямо сейчас [Standing, 2011].

Очерченные выше линии аргументации в пользу UBI неравноценны. Если первые две вполне заслуживают того, чтобы быть предметом рациональной дискуссии, то про третью такого сказать нельзя, потому что те, кто ее представляют, склонны не столько оперировать фактами, сколько эксплуатировать распространенные в обществе фобии.

Так, при ближайшем рассмотрении выясняется, что угроза крупномасштабной технологической безработицы существует только в воспаленном воображении сторонников UBI. Сегодняшняя волна технологического алармизма далеко не первая и ей уготована та же судьба, что и всем предыдущим. И экономическая теория и экономическая история учат, что сценарий сверхвысокой технологической безработицы практически невероятен. Во всяком случае все предшествующие эпизоды с резким ускорением темпов роста производительности труда сопровождались не уменьшением, а увеличением числа рабочих мест [Капелюшников, 2017].

Современные техноалармисты не понимают, как не понимали их предшественники в XIX и XX столетиях, что при повышении производительности труда объем выпуска не остается неизменным: ее рост влечет за собой увеличение доходов либо предпринимателей, внедривших нововведения, либо работников, начинающих использовать более совершенное оборудование, либо потребителей, получающих за счет снижения цен доступ к более дешевым товарам, а чаще всего и тех, и других, и третьих одновременно. Возросшие доходы транслируются в более высокий потребительский и инвестиционный спрос, а удовлетворить его оказывается невозможно без привлечения дополнительных рабочих рук. В результате чистый эффект новых технологий с точки зрения динамики занятости почти всегда оказывается положительным [Там же].

Было бы наивно принимать на веру и прогнозы о скорой смерти почти половины существующих рабочих мест. Эти прогнозы опираются не на объективные факты, а на субъективные представления

некоторых специалистов по компьютерным технологиям; они оценивают техническую возможность автоматизации тех или иных профессий, но не ее экономическую целесообразность; они не считаются с тем, что работники устаревающих профессий не обязательно должны «выдавливаться» в безработицу, но могут успешно переключаться на новые для них виды деятельности; наконец, они не учитывают того, что технологический прогресс ведет не только к ликвидации «старых», но и к активному созданию «новых» профессий; и т.д. [Arntz et al., 2016]. Не удивительно, что результатом такой прогностики становятся количественно совершенно неправдоподобные оценки.

Американский экономист Дж. Бессен подсчитал, что из почти 300 профессий, существовавших в США в 1950 г., к 2010 г. по причине автоматизации исчезла... одна! Это — операторы лифтов, потребность в услугах которых отпала после того, как лифтовые кабины стали оснащаться автоматическими дверями [Bessen, 2016]. Можно ли поверить, что в ближайшие 10–15 лет отомрет половина профессий, если за предыдущие полвека исчезла только одна? С момента, когда этот сенсационный прогноз был высказан впервые, прошло уже почти десять лет [Freu, Osborne, 2013]. Это достаточный срок для подведения предварительных итогов. Как показывает анализ, за это время из нескольких десятков профессий, которым техноалармисты сулили скорую гибель, не исчезла ни одна и, более того, ни по одной из них не наблюдалось не только снижения, но даже стагнации занятости: численность работников везде росла! Уже очевидно, что апокалиптические пророчества о наступлении будущего без рабочих мест в очередной раз потерпели крах [Капелюшников, 2017].

Не лучше обстоит дело с предполагаемым разрастанием «прекариата». Реальная ситуация на рынке труда в первые десятилетия XXI в. развивалась по совершенно иному сценарию. Конечно, она была очень пестрой: какие-то формы нестандартной занятости становились более, а какие-то менее распространенными; в каких-то странах наблюдалось ее расширение, а в каких-то, напротив, сжатие. Но если говорить об общей картине, то ничего похожего на «пожирание» стандартных рабочих мест нестандартными не наблюдалось: на рынках труда всех стран с огромным перевесом продолжали доминировать официально оформленные бессрочные трудовые контракты на полное рабочее время.

Интегральным показателем стабильности рабочих мест принято считать специальный стаж — продолжительность времени, в течение которого работник остается на одном месте. В странах ОЭСР средняя величина специального стажа выросла за последние десятилетия на целых полгода: с 8,9 лет в 2000 г. до 9,5 лет в 2017 г.⁸ В те же годы нестандартная занятость если и менялась, то в сторону уменьшения. Так, samozанятость сократилась более чем на 2,5 п.п. (с 17,6% до 15,0%), краткосрочная занятость по экономическим причинам — на 3 п.п. (с 11,6% до 8,6%), низкооплачиваемая занятость — на 3 п.п. (с 18,6% до 15,7%), срочная занятость не изменилась (11,7%) и только вынужденная недозанятость (*involuntary underemployment*) подросла на 1 п.п. (с 2,0% до 3,0%). Что касается платформенной занятости, то, несмотря на активный рост, ее доля в общей занятости остается ничтожно малой — не более 1% [Eichhorst et al., 2016; Katz, Krueger, 2019]⁹. Все указывает на то, что бум «прекариата», который сторонники базового дохода преподносят как самоочевидный факт, — это фикция.

Умозаключения алармистов UBI не только несостоятельны эмпирически, но и ущербны логически. Логическая ошибка, в которую они регулярно впадают, известна под названием *non sequitur* (не следует). Допустим, их диагноз верен и вскоре грянет масштабная технологическая безработица. Вопрос: откуда следует, что лучшим ответом на нее стало бы введение UBI? Не разумнее было бы помогать только тем, кто лишится работы, причем приступить к выплатам не сейчас, а только тогда, когда безработица действительно устремится вверх? Странно призывать к внедрению базового дохода в качестве средства смягчения безработицы тогда, когда ее уровни близки к историческим минимумам — как это было до начала «коронавирусного» кризиса, например, в США, Великобритании, Японии и России.

Еще абсурднее выглядят ссылки на бум «прекариата». Вновь допустим, что диагноз верен. Но откуда следует, что лучшим ответом на рост нестандартной занятости стало бы предоставление базового дохода *всему населению*? Не правильнее было бы ограничиться дополнительными выплатами только тем, кто трудится на нестандарт-

⁸ <https://stats.oecd.org/>

⁹ К этому нужно добавить, что платформенная занятость носит обычно вторичный характер, то есть является всего лишь *дополнением* к основной работе.

ных рабочих местах? Не слишком ли расточительны такие далеко идущие рекомендации?

Вывод, который отсюда следует, достаточно прост: не стоит принимать на веру многие из тех как бы «фактов», которыми любят потчевать публику алармистски настроенные сторонники UBI.

Предполагаемые выгоды

Каковы предполагаемые выгоды UBI? Сторонники введения базового дохода указывают на несколько ключевых эффектов.

1. UBI полностью закрывает «дыры» в существующих системах социальной поддержки: все, кто в ней нуждается, начинают гарантированно ее получать. У всех без исключения появляется источник стабильного дохода. Если же установить базовый доход на уровне, примерно соответствующем черте бедности, то это автоматически решает проблему бедности.

2. UBI улучшает для получателей пособий стимулы к труду, ликвидируя ловушки бедности и безработицы, из-за которых имплицитный налог на дополнительно заработанный доход может достигать до 100%. Представим ситуацию, когда безработный получает пособие в размере 1000 долл. и ему предлагают работу с заработной платой также в размере 1000 долл. Очевидно, что ему нет смысла принимать это предложение, потому что тогда он потеряет право на пособие и, следовательно, ничего не выиграет от выхода на рынок труда. В самом деле, если раньше он получал 1000 долл. и наслаждался досугом, то теперь ему предстоит получать те же 1000 долл. и при этом работать. Имплицитный «налог» на дополнительно заработанный им доход составит 100%: на каждый доллар, получаемый в виде заработной платы, он будет лишаться доллара, получаемого в виде пособия по безработице. Взвесив все за и против, он предпочтет остаться безработным.

Сходная ситуация возникает с пособиями по бедности. Представим индивида, не сумевшего найти работу на полное рабочее время. Пусть его рыночный доход составляет 500 долл., а еще 500 долл. он получает от государства в виде пособия по бедности. Если ему предложат работу на полное время с оплатой, равной, например, 1000 долл., ему будет невыгодно на нее переходить, потому что в этом случае его чистый выигрыш окажется нулевым: дополнительный заработок

будет целиком «съеден» отменой пособия. Конечно же, он предпочтет остаться на своей прежней, менее оплачиваемой и, скорее всего, менее квалифицированной работе.

Так стандартные формы социальной поддержки «запирают» людей в состояниях бедности и безработицы, подрывая стимулы к занятости и карьерному росту. Такие ловушки — неизбежный спутник условных программ, когда при изменении статуса на рынке труда или при достижении заработком некоего порогового уровня выплаты трансфертов резко сокращаются или прекращаются полностью.

Легко убедиться, что UBI никаких ловушек не создает: если индивид решит перейти из безработицы в занятость или с менее на более оплачиваемую работу, базовый доход будет продолжать выплачиваться ему в прежнем размере. Иными словами, имплицитный налог на дополнительно заработанный доход окажется нулевым. Внедрение UBI ликвидировало бы все ловушки безработицы и бедности, способствуя росту занятости и доходов социально наиболее уязвимых групп населения. Система базового дохода гарантирует высокую положительную отдачу от перехода в занятость при любых ставках заработной платы, при любой продолжительности рабочего времени и при любой форме трудового контракта.

3. UBI кратно снижает издержки, связанные с функционированием систем социальной поддержки. По имеющимся оценкам, в США административные издержки достигают 5—10% от стоимости действующих в настоящее время социальных программ. Вместе с тем при переходе на безусловный доход они снизились бы до 1—2% [Van der Walle, 1999]. Очевидно, что чем строже проверка нуждаемости (means-testing) и чем детализированнее критерии доступа, тем большая доля социальных расходов «съедается» административными издержками. Поскольку схема UBI полностью свободна от проверок нуждаемости и не предусматривает никаких критериев доступа, она требует гораздо меньшего бюрократического аппарата и гораздо меньших затрат на его содержание. Все, что необходимо для ее эффективного функционирования, — это полный охват населения банковскими счетами, куда государство могло бы перечислять базовый доход [World Bank, 2020]. Экономия на административных издержках — одно из главных преимуществ UBI.

4. Селективные социальные выплаты налагают на получателей серьезную стигму, поддерживая у людей представление о том, что

«жить на велфере» позорно и стыдно: это иждивенчество и паразитизм [Moffitt, 1983]. Во многих странах значительная часть тех, кто обладает формальным правом на получение трансфертов, не обращаются за ними из-за опасений остракизма со стороны окружающих и/или потери уважения к самим себе. Стигма служит мощным анти-стимулом, увеличивающим психологические издержки, связанные с получением пособий, и дополнительно ухудшающим благосостояние низших социальных групп. Универсальные выплаты в рамках UBI не налагают никакой стигмы по определению: раз они перечисляются всем, значит, получать их не стыдно и не позорно.

5. Безусловный характер UBI делает ненужным обременительный и унижительный контроль со стороны чиновников, которого невозможно избежать при использовании условных программ. Получателям базового дохода не приходится «расчехляться» перед государством, сообщая социальным службам информацию о своем материальном положении и своем образе жизни; никто их не классифицирует и не категоризирует; никто не решает, подходят они или нет под установленные критерии; никто не отслеживает, нарушают они или нет действующие правила; никто не подвергает их карательным санкциям (уменьшая выплаты или полностью их отменяя) за отклонения от этих правил; наконец, никто не требует от них поменять свое поведение и свой стиль жизни. Тем самым базовый доход расширяет ареал свободы: те, кому он выплачивается, получают возможность выйти из-под дисциплинарной власти государства.

6. UBI улучшает баланс между трудовой деятельностью и образованием, между трудовой деятельностью и исполнением семейных обязательств. Благодаря базовому доходу у молодых людей из небогатых семей появляется возможность продолжать образование вместо того, чтобы ради заработка сразу же выходить на рынок труда. Работникам старших возрастов он позволяет временно покидать рынок труда ради участия в программах переподготовки и повышения квалификации, а также соглашаться на низкооплачиваемые формы занятости (ученичество, нахождение на испытательном сроке и т.п.), когда они служат мостиком к получению высокооплачиваемых рабочих мест.

Сходным образом благодаря базовому доходу у женщин появляется возможность временно или окончательно уходить с рынка труда, чтобы больше времени уделять семейным обязанностям (в пер-

вую очередь — воспитанию детей). Способствуя накоплению человеческого капитала и улучшая качество рабочей силы, UBI закладывает предпосылки для устойчивого экономического роста.

7. UBI повышает гибкость рынка труда. Имея финансовую подушку безопасности в виде базового дохода, работники могут позволить себе такую «роскошь» как нестандартные рабочие места с более низкой оплатой. Речь идет о занятости с неполным рабочим временем, срочной занятости, самозанятости, надомной работе и т.д. Тем, кто предпочел бы работать меньше, ничто не будет мешать переключаться на более интересные занятия, не связанные с получением рыночного дохода. Кроме того, UBI открывает возможности для более длительного поиска на рынке труда, что должно улучшать мэтчинг (соответствие между характеристиками работников и характеристиками рабочих мест). Качество рабочих мест, на которых станут «оседать» безработные, повысится, способствуя росту производительности труда.

8. Базовый доход усиливает переговорные позиции работников, уменьшая их зависимость от заработной платы в качестве основного источника доходов. У них появляется опция выхода (exit), которую они могут использовать в качестве рычага давления на работодателей, чтобы добиваться более высокой оплаты. Угроза, что они уволятся, если их требования не будут удовлетворены, будет восприниматься работодателями как «заслуживающая доверия» (credible), поскольку в запасе у работников всегда будет иметься стабильный источник доходов — выплаты по UBI. В ходе «торга» с ними работодателям придется идти на уступки, соглашаясь с требованиями о повышении заработной платы.

Иными словами, базовый доход повышает способность работников сопротивляться неприемлемым для них предложениям о заработной плате и условиях труда. По мнению некоторых исследователей, он сможет настолько эффективно выполнять функции социальной защиты, что сделает излишними такие традиционные институты рынка труда как минимальная заработная плата или законодательная защита занятости [Groot, 2002].

9. Ослабляя заинтересованность в получении оплачиваемой занятости, UBI повышает престиж и привлекательность разнообразных форм внерыночной активности — благотворительности, волонтерства, саморазвития, занятия творчеством и т.д. [Standing, 2013].

Имея стабильный источник дохода в виде UBI, многие предпочтут меньше времени уделять достижению частных, эгоистических целей и больше — общественных, альтруистических. Некоммерческий сектор получит мощный импульс для развития, тогда как коммерческий столкнется с дополнительными ограничениями.

Кроме того, базовый доход будет создавать благоприятные условия для предпринимательства. Его можно рассматривать в качестве «венчурного капитала для народных масс» [Bregman, 2017]. У десятков тысяч людей появится стартовый капитал, благодаря которому они смогут отказаться от работы по найму и попытаться открыть собственное дело, либо вовсе не прибегая к кредиту, либо прибегая к нему в минимальной степени.

10. UBI может стать важным фактором обеспечения гендерного равенства. Внутрисемейное неравенство во многом порождается тем, что мужчины зарабатывают, как правило, существенно больше женщин, выступая в роли «кормильцев» семьи. UBI уменьшает экономическую зависимость женщин (прежде всего — неработающих), поскольку у них появляется собственный стабильный и независимый от заработка их партнеров источник дохода [Robeyns, 2000; McLean, 2016]. Укрепление переговорных позиций женщин внутри семей будет способствовать более равному распределению домашних обязанностей между ними и мужчинами. Можно также ожидать, что благодаря UBI мужчины сократят свое присутствие на рынке труда и начнут больше времени уделять работе по дому.

Кроме того, поскольку базовый доход в отличие от условных выплат предоставляется на уровне индивидов, а не домохозяйств, он делает процесс принятия семейных решений свободным от любых форм бюрократического вмешательства — как прямых, так и косвенных. Появляется возможность формировать семьи без оглядки на те условия, которые явно или неявно навязываются «стандартными» социальными программами (когда, например, женщины обзаводятся внебрачными детьми только для того, чтобы получить доступ к пособиям; отказываются вступать в брак только потому, что в этом случае лишатся права на пособие; и т.д.)

Общий вывод, к которому приходят сторонники базового дохода, сводится к тому, что его введение способно обеспечить наилучшее сочетание защитных и производительных функций, которые возлагаются на систему социальной поддержки: он гарантирует надежную

защиту от главных рисков, возникающих по ходу жизненного цикла, и в то же время устраняет наиболее серьезные искажения в структуре экономических стимулов [Hudson, Kühner, 2009]. С одной стороны, никто не остается без стабильного источника дохода. С другой, возрастает занятость и увеличиваются инвестиции в человеческий капитал, улучшая тем самым долгосрочные перспективы экономического роста.

Предполагаемые издержки

Однако критики обнаруживают у проекта UBI множество негативных эффектов, которые, как они убеждены, делают его не только неэффективным, но и, скорее всего, в принципе нереализуемым.

1. Из трех альтернативных версий базового дохода (см. выше) сценарий «полной замены» — единственный, который способен обеспечить фискальную нейтральность (при условии, что выплаты будут установлены на достаточно низком уровне). Речь идет о реформе, при которой общий объем социальных расходов остается без изменений, но они целиком перенаправляются на финансирование UBI, а все прежние программы закрываются. К сожалению, будучи наиболее приемлемым экономически, этот вариант выглядит наименее реалистичным социально и политически. Очевидно, что полный отказ от целевых программ, имеющих своими адресатами те или иные социально уязвимые группы, невозможен. Разные группы населения имеют слишком разные потребности, чтобы единообразный трансферт мог удовлетворить всех. В самом деле, трудно представить, чтобы идея ликвидировать все категориальные выплаты в пользу детей, инвалидов, пенсионеров или бездомных, могла найти поддержку в обществе.

В таком случае остается выбор между двумя фискально не нейтральными версиями, совмещающими базовый доход с уже имеющимся набором социальных программ в полностью неизменном или в частично урезанном виде. Однако при ближайшем рассмотрении и та и другая оказываются финансово неподъемными.

2. Чтобы оценить, во что может обойтись обществу введение системы UBI, можно взять за отправной пункт проект под названием «Дивиденд свободы», с которым в 2019 г. в ходе борьбы за выдви-

жение кандидатом в президенты от Демократической партии США выступал сенатор Э. Янг [Yang, 2018]. Согласно его предложению, каждому взрослому гражданину США государство должно было выплачивать по 1 тыс. долл. в месяц — сумму, примерно соответствующую официальной черте бедности (12,5 тыс. долл. в год). Если из общей численности населения США вычесть детей и подростков, а также лиц без гражданства, то останется 212 млн человек. Таким образом, финансирование янговского проекта потребовало бы 2,544 трлн долл. — при том, что все расходы федерального бюджета США в 2019 г. составляли примерно 4,5 трлн долл. [Henderson, 2020]. Это означает, что при сохранении всех действующих федеральных программ расходы федерального бюджета должны были бы возрасти более чем в полтора раза. Если исходить из того, что дальнейшее наращивание дефицита федерального бюджета невозможно, то тогда, чтобы профинансировать Дивиденд свободы, объем налоговых поступлений пришлось бы увеличить на 74%. Едва ли нужно доказывать, что такое раздувание налогового бремени не в состоянии выдержать никакая экономика.

В результате остается только гибридная версия, при которой финансирование янговского проекта обеспечивалось бы частично повышением налогов, а частично сокращением расходов на ранее введенные программы. Допустим, прекращается действие программ так называемой Большой четверки — временной помощи нуждающимся семьям, медицинской помощи неимущим, продовольственных талонов и субсидий на жилье. Но даже в этом случае налоги пришлось бы повысить на 46%! И это еще не все. Неизбежной реакцией на скачок налогов стало бы резкое свертывание экономической деятельности, а значит, сокращение налоговой базы. Чтобы компенсировать ее сжатие, налоговые ставки пришлось бы повысить не в полтора раза, а намного больше [Ibid.].

В случае России ситуация оказывается схожей. В докладе Мирового банка моделировались последствия введения универсального базового дохода для нескольких стран, включая Россию [World Bank, 2020]. Предполагалось, что базовый доход будет выплачиваться всем жителям, включая детей и подростков, и что он будет устанавливаться на уровне прожиточного минимума. Для России черта бедности задавалась равной 11 долл. США в день по ППС 2011 г., что пример-

но соответствовало доходу 7,5 тыс. руб. в месяц и было на треть ниже официального показателя прожиточного минимума.

Несложный расчет показывает (7,5 тыс. руб. $\times$ 12 мес. $\times$ 146 млн чел.), что при таких параметрах стоимость UBI для России была бы эквивалентна 16–17% ее ВВП, или почти 50% доходов консолидированного бюджета. Если бы, скажем, в качестве единственного источника финансирования этой схемы был избран подоходный налог, то его потребовалось бы поднять в пять раз! (Напомним: эти оценки получены для предполагаемого базового дохода примерно на треть ниже официального прожиточного минимума.)

3. В действительности введение UBI обошлось бы обществу намного дороже. Взрывной рост налоговых ставок будет подрывать стимулы к труду, сбережениям и инвестициям и, как следствие, вести к резкому падению ВВП. Насколько сильным оно окажется, зависит от того, какие именно налоги будут повышены и насколько сильно. Но и без детальных расчетов понятно, что их повышение даже на 30% — не говоря уже о 50% — сопровождалось бы огромными безвозвратными потерями (deadweight loss).

4. В анализе предложения труда принято выделять два эффекта, возникающих при изменении заработной платы, — дохода и цены. Рассмотрим сначала случай ее повышения. С одной стороны, из-за того, что индивид станет богаче, его спрос на свободное время увеличится и, соответственно, предложение труда уменьшится (эффект дохода). С другой, из-за того, что досуг для него подорожает (каждый час неработы будет стоить ему большего недополученного заработка), его спрос на свободное время уменьшится и, соответственно, предложение труда увеличится (эффект цены, или замещения). В случае снижения заработной платы картина будет обратной.

Ловушки бедности и безработицы, которые создают условные программы, — это проявления эффекта цены. Если при выходе на рынок труда индивид теряет право на пособие, так что его чистый выигрыш (заработная плата минус пособие) оказывается мизерным, нулевым или отрицательным, теневая цена досуга для него не меняется или даже снижается. Сохраняющаяся низкая теневая цена досуга подталкивает его к тому, чтобы оставаться незанятым и продолжать жить за государственный счет. Как было показано, UBI устраняет ловушки бедности и безработицы: если при трудоустройстве индивид сохраняет право на социальные выплаты, то тогда теневая цена досуга

для него возрастает (доминирует эффект замещения) и ему становится выгоден переход в занятость.

Однако фокусируясь на том, как введение базового дохода отразится на стимулах к труду у нынешних получателей социальных выплат, сторонники UBI не обращают внимания на то, как оно отразится на стимулах к труду у основной массы работников, не получающих в настоящее время никаких выплат. Очевидно, что улучшая стимулы для тех, кто балансирует на грани бедности (вследствие эффекта цены), UBI будет ухудшать их для всех остальных (вследствие эффекта дохода). Как отмечает Э. Грей, «чем выше базовый доход по отношению к часовой ставке заработной платы индивидов, тем больше вероятное сокращение предложения труда со стороны тех, кто уже имеет оплачиваемую занятость» [Gray, 2017].

Базовый доход — это одна из форм нетрудового дохода, так что для тех, кто не получает сейчас никаких пособий, его введение будет порождать эффект дохода без компенсирующего эффекта замещения. Поскольку благодаря дополнительному доходу их спрос на досуг увеличится при том, что его теневая цена останется для них прежней, их предложение труда сократится — численность занятых и/или производительность рабочего времени упадут.

Метаанализ результатов эмпирических исследований показывает, что эластичность предложения труда по доходу составляет примерно 0,05 для мужчин и примерно 0,2 для женщин. Подсчитано, что при таких показателях эластичности введение в США системы базового дохода с выплатами 1 тыс. долл. в месяц вызвало бы падение уровня занятости на 3,5–4 п.п. [Hoynes, Rothstein, 2019]. Это огромная величина, сопоставимая с его снижением во время Великой рецессии 2008–2009 гг. В условиях прогрессирующего старения населения столь резкое сжатие предложения труда стало бы дополнительным серьезным тормозом для экономического роста. Можно не сомневаться, что получение права на доход без обязанности зарабатывать его собственным трудом дало бы мощный импульс к уходу с рынка труда — особенно у групп, слабо с ним связанных (женщины, молодежь, пожилые).

На самом деле оценить конечный эффект от внедрения UBI невозможно. Одно дело, как на это отреагируют нынешние поколения, чья трудовая этика сформировалась при прежней системе, и другое — как отреагируют будущие поколения, которые вырастут при новой

системе и которые с самого рождения будут рассматривать базовый доход как свое законное право и неотъемлемую пожизненную гарантию. Как минимум следует ожидать, что вступление новых поколений в трудовую жизнь будет происходить намного позднее, чем сейчас¹⁰. В таком случае система базового дохода будет давать стимулы не к более, а к менее активному накоплению человеческого капитала.

5. Введение UBI с высокой степенью вероятности вызовет рост безработицы, хотя насколько значительный, сказать невозможно. Наличие базового дохода даст возможность тем, кто ищет работу, устанавливать резервную заработную плату на более высоком уровне. Но чем выше требования, предъявляемые к будущему рабочему месту, тем больше времени занимает его поиск и, следовательно, тем больше средний срок пребывания в рядах безработных. Увеличение длительности безработицы будет автоматически означать повышение ее уровня.

6. UBI может стать каналом по субсидированию неэффективных фирм, способствуя распространению низкооплачиваемой занятости. С одной стороны, когда работодатели будут знать, что на базовый доход можно прожить, нигде не работая, им будет психологически проще предлагать работникам заниженную заработную плату (хотя бы потому, что подобное поведение перестанет считаться морально предосудительным). С другой стороны, поскольку для того, чтобы выжить, работники уже не будут нуждаться в рыночных заработках, вопрос о заработной плате утратит для них первостепенное значение и многие из них начнут соглашаться на гораздо более низкую оплату. Иными словами, безусловные выплаты могут подтолкнуть их не к повышению, а к снижению своих запросов по заработной плате [Parker, 1991]. Многим работодателям наём таких работников «без претензий» окажется крайне выгоден.

¹⁰ Американский экономист Д. Хендерсон приводит условный пример, показывающий, как будут работать стимулы к более позднему выходу на рынок труда [Henderson, 2019]. Он предлагает рассмотреть группу из четырех молодых людей, получающих базовый доход 10–12 тыс. долл. в год каждый. За 1,5 тыс. долл. в месяц им не составит труда снять вполне сносное жилье на четверых — пусть не в Нью-Йорке и не в Калифорнии, но в каком-либо другом штате. После этого у них останется достаточно приличная сумма — порядка 30 тыс. долл. — на то, чтобы жить, ничем себя не утруждая. Нельзя исключить, что подобная перспектива привлечет немалое число молодых людей, которые предпочтут ничегонеделанье учебе или работе, способствуя таким образом дальнейшему распространению в обществе «культуры велфера».

Кроме того, на рынок труда наверняка устремятся работники со сверхнизкой производительностью, которые при прежней системе не пытались этого делать из-за опасений лишиться пособий. Отсюда — реальная опасность широкого распространения «плохих» (низкооплачиваемых) рабочих мест и ослабления переговорных позиций работников вместо их усиления [Gray, 2017].

7. UBI может стать миной замедленного действия, подрывающей крепость семейных отношений, поскольку у каждого из членов супружеской пары появится собственный, «частный» источник дохода. Их экономическая заинтересованность друг в друге уменьшится и, соответственно, сохранение партнерских отношений станет для них менее привлекательным. Говоря формальным языком, в новых условиях некооперативные формы поведения начнут обходиться им намного дешевле, чем раньше. В перспективе это грозит дальнейшим ростом числа неполных семей. По-видимому, эрозия института семьи может вызываться действием любых трансфертных программ — как условных, так и безусловных.

8. Сценарии полной и даже частичной замены существующих трансфертных программ базовым доходом чреваты перераспределительными последствиями, прямо противоположными тем, на которые уповают сторонники UBI.

Какие группы выиграют и какие проиграют от введения этой схемы? Анализ показывает, что в выигрыше останутся молодежь; лица с хорошим здоровьем; семьи, не имеющие детей; те, кто не получал трансфертов при прежней системе; индивиды с нулевым рыночным доходом (включая безработных); крупные домохозяйства с большим количеством членов. Соответственно в проигрыше — пожилые; инвалиды; семьи с детьми; те, кто получал трансферты при прежней системе; лица с низким рыночным доходом (прежде всего — работники с низким образованием и низкой квалификацией); малые домохозяйства с небольшим количеством членов [Browne, Immervoll, 2017; Hoynes, Rothstein, 2019]. В общем случае UBI будут ухудшать благосостояние групп, находящихся в фокусе ныне действующих социальных программ, и улучшать благосостояние групп, находящихся сегодня вне зоны их действия¹¹.

¹¹ Логика здесь проста: «Если вы урезаете программы, предназначенные для лиц с низким доходом, и перераспределяете эти деньги в виде выплат, растекающихся

Однако такое описание неполно, поскольку основывается только на предполагаемом распределении выгод от замены традиционных социальных программ базовым доходом без учета предполагаемого распределения издержек. Можно, по-видимому, не сомневаться, на кого ляжет основная часть дополнительного налогового бремени, связанного с переходом к UBI: на экономически наиболее процветающие группы. Если это так, то в конечном счете от введения базового дохода проиграют бедные (меньше трансфертов) и богатые (больше налогов), а выиграют средние классы.

Таким образом, многие варианты базового дохода будут делать бедных еще беднее, а вместо снижения неравенства вызывать его рост. Избежать подобного исхода можно в единственном случае — при реализации «широкой» версии UBI, когда существующие трансфертные программы останутся в неприкосновенности и над ними будет надстроен дополнительный этаж в виде выплат базового дохода. Но этот сценарий, как мы могли убедиться, явно неподъемен фискально.

9. Наконец, UBI будет способствовать легитимизации и дальнейшему распространению «культуры велфера». Работать станет не обязательно, а жить за счет государства даже престижно. Моральный климат в обществе изменится и совсем не в лучшую сторону: «Существование многочисленного низшего класса, зависимого от правительственных подачек, перестанет быть для общества серьезнейшим вызовом, а вместо этого станет рассматриваться как одно из его величайших достижений» [Cass, 2016].

Итоговый вывод, к которому приходят критики схемы базового дохода, выглядит неутешительно: «Во-первых, это драматически увеличило бы размеры правительства и потребовало бы неимоверного увеличения налогов. Во-вторых, это драматически сократило бы стимулы к труду для миллионов, а возможно, десятков миллионов людей, не получающих в настоящее время никаких социальных выплат» [Collier, 2020].

равными суммами по всей шкале доходов, вы увеличиваете бедность и неравенство» [Collier, 2020].

Вместо заключения: что впереди?

Какая судьба ждет проект UBI в обозримом будущем? Можно ли считать невиданную популярность, которую он приобрел за последние годы, залогом того, что уже в ближайшее время его полноформатная версия будет где-либо реализована на практике? Каковы шансы на то, что базовый доход полностью или хотя бы частично заменит традиционные программы государства благосостояния, пребывающего сегодня в глубоком кризисе?

Наш анализ позволяет предположить, что у UBI как интеллектуальной головоломки будущее, несомненно, есть, но как реальной программы действий, скорее всего, нет. Можно не сомневаться, что дискуссия вокруг этой идеи продолжится и что число UBI-подобных проектов будет множиться. В самом деле, глядя на табл. П1, где суммированы результаты экспериментов, так или иначе связанных с базовым доходом, трудно избавиться от впечатления, что для многих правительств и многих НКО схема UBI стала любимой игрушкой, с которой они не желают расстаться. Наверняка продолжится и тенденция называть «безусловным базовым доходом» инициативы, прямо противоположные UBI (как это уже наблюдалось, например, в Италии).

Конечно же, по отношению к каким-то звеньям сложившихся систем социальной поддержки будут предприниматься попытки (с неочевидным успехом) по замене условных программ безусловными. Но такие точечные замены имеют мало общего с UBI как глобальным проектом. Стоит напомнить: выплаты отдельным группам населения — это не UBI; нерегулярные выплаты — это не UBI; выплаты с проверкой нуждаемости — это не UBI; выплаты, меняющиеся во времени, — это не UBI; выплаты, дифференцированные по каким-либо критериям, — это не UBI; выплаты с поведенческими условиями и санкциями за их нарушение — это тоже не UBI. Ожидать, что эта схема будет когда-либо реализована в полноформатном виде, — утопия. Укажем на три наиболее значимых ограничения.

Первое: реальная эволюция государств благосостояния в течение последних десятилетий была строго ортогональна идеологии UBI. То, что конечным результатом этой эволюции оказались условные программы со строгой проверкой нуждаемости и установкой на активацию занятости, не было случайностью. Почти невероятно, что-

бы сторонникам базового дохода удалось развернуть этот устойчивый вектор в противоположном направлении.

Становление современных государств благосостояния началось сразу после окончания Второй мировой войны и протекало в специфическом социально-экономическом контексте — быстрого экономического роста, полной занятости, стабильной нукlearной семьи. Большинство семей имели единственного «кормильца», получавшего достаточно высокую заработную плату, чтобы он мог содержать всех, кто находился на его иждивении. Когда работа почему-либо прерывалась (из-за болезней, безработицы, старости), источником средств существования становились выплаты из страховых фондов, финансируемых за счет взносов с заработной платы. Такие периоды трудовой неактивности были сравнительно короткими и успешно компенсировались более длительными периодами трудовой активности, когда шло накопление страховых взносов. Соответственно в структуре государств благосостояния преобладали программы социального страхования, тогда как программы социальной помощи занимали подчиненное место.

Начиная с 1970-х годов, когда темпы экономического роста резко упали, произошел скачок безработицы и стала приходить в упадок традиционная нукlearная семья, первоначальная модель государства благосостояния оказалась в глубоком кризисе. Начался неконтролируемый рост социальных расходов, возлагавший на экономику все более и более тяжелое бремя; резко вырос и стал гораздо более неоднородным контингент получателей социальных выплат; возникло множество нуждавшихся в поддержке групп, которые не были связаны с рынком труда и, следовательно, не имели возможности платить страховые взносы; появились новые типы рисков, вступившие в конкуренцию со старыми за ограниченные бюджетные ресурсы. Это имело несколько важных последствий. Во-первых, быстрый рост численности реципиентов обернулся снижением среднего размера выплат. Во-вторых, умножение числа социальных программ, адресованных тем или иным узким группам, порождало административный хаос. В-третьих, программы социального страхования начали все больше уступать место программам социальной помощи.

Как минимум с начала 1980-х годов государства благосостояния сделали объектом острой критики и полем политических конфликтов [Offe, 1984, p. 147—148]. В них стали видеть источник иждивен-

чества и распада социальных связей, причину ослабления стимулов к труду и сбережениям, инструмент разрушения семей, а также обвинять их в неспособности оказывать помощь именно тем, кто в ней действительно нуждается. В списке провалов фигурировали коррумпированность, огромные административные издержки, раздутый бюрократический аппарат, мелкий назойливый чиновничий контроль, управленческая неэффективность.

Стала очевидна необходимость фундаментальных реформ. Начавшаяся перестройка вдохновлялась двумя ключевыми лозунгами — адресности и экономии бюджетных средств (*austerity*). Изменения шли по нескольким главным направлениям: 1) снижение щедрости выплат; 2) ограничение сроков их предоставления даже для самых социально уязвимых групп (таких как инвалиды, одинокие женщины с детьми и т.д.); 3) введение и ужесточение проверок нуждаемости; 4) активация занятости; 5) введение и ужесточение поведенческих критериев, при соблюдении которых могла предоставляться поддержка (готовность к трудоустройству, отсутствие наркозависимости и т.д.); 6) усиление карательных санкций за нарушение правил доступа. Эти меры позволили если не остановить, то хотя бы замедлить эскалацию социальных расходов.

Идеология UBI отрицает необходимость и желательность этих трендов, призывая к развороту социальной политики на 180 градусов: выплаты должны стать более щедрыми и предоставляться всем — без условий, без ограничения сроков, без проверок и без санкций. По сути, это не что иное, как ностальгическая попытка вернуться в золотой век государства благосостояния, пришедшийся на 1940—1960 гг. (с переносом акцентов с социального страхования на социальную помощь). Но ее результат известен заранее: это — возобновление неконтролируемого роста социальных расходов, от которого в последние десятилетия пытались так или иначе уйти правительства всех стран. Крайне маловероятно, чтобы сторонникам UBI удалось переломить эту институциональную инерцию.

Второе: попытки внедрить UBI наталкиваются на серьезные политико-экономические ограничения. Если взять сценарий «чистой надстройки», то он представляет собой фискальную фантазмагорию: ни одно правительство никогда не решится поднять налоги в полтора-два раза, так как это обрушит экономику. Издержки UBI, связанные с сокращением предложения труда (особенно в условиях предстоя-

щего старения населения), также огромны. Оба эти фактора являются непреодолимыми препятствиями на пути реализации «широкой» версии UBI. Что касается «узкой» версии, предполагающей полный демонтаж существующих систем социальной поддержки, то она непроходима по социальным и политическим соображениям: отменить *все* адресные программы невозможно и сложившиеся группы интересов никогда этого не допустят.

Остается только версия «частичной замены», но и она мало реалистична. Во-первых, она все равно потребует радикальной ломки всего институционального каркаса нынешней системы. Во-вторых, она все равно потребует резкого повышения налогов, пусть даже не такого взрывного, как при сценарии «полной замены». В-третьих, с высокой степенью вероятности вместо лучшего она создаст худший из возможных миров: принципы условности и безусловности будут сталкиваться, порождая взаимоисключающие стимулы и создавая еще больший институциональный хаос. Гибридная система соединит в себе все недостатки условных и безусловных программ, но только без их достоинств.

Третье: дело не только в чисто экономических ограничениях, но и в вероятной жесткой идеологической и моральной оппозиции безусловной природе UBI. Провал референдума по базовому доходу в Швейцарии в 2016 г. наглядно показал, насколько важным фактором может быть такое неприятие. Дело в том, что проект UBI идет вразрез с тем, что можно было бы назвать «естественной моралью». «Естественной» — потому что речь идет не об установках, которые «имплантируются» обществу теми или иными институтами или группами интеллектуалов, а об установках, которые формируются спонтанно по ходу участия людей в социальных взаимодействиях. Согласно «естественной морали», людям с разными лишениями и разным поведением не должна оказываться одинаковая поддержка; физически здоровые индивиды не должны жить за счет других; никому не следует платить только за то, чтобы он не работал; наконец, богатые не должны получать от государства деньги наравне с бедными. Проекту UBI, который исходит из прямо противоположных моральных представлений, будет непросто преодолеть это инстинктивное отторжение.

Скорее всего, UBI ждет судьба очередной кабинетной утопии: «С одной стороны, это предложение чудовищно переоценивает нашу

способность прогнозировать и направлять экономическое развитие; с другой, у него полностью отсутствует потенциал для того, чтобы стать знаменем какого-либо социального движения, а также привязка к какой-либо концепции справедливости. <...> Его предполагаемые последствия окутаны туманом неопределенности. Они «могут» иметь место в некоем абстрактном смысле, но неспособны мотивировать кого-либо к политическим действиям. Более того, это предложение идет вразрез с общепринятым представлением о справедливости: нечестно физически здоровым людям жить за счет труда других. Большинство работников расценили бы его <...> как рецепт по эксплуатации трудолюбивых ленивыми. <...> Общество не может подписываться под излюбленными идеями всякого энтузиаста, который предлагает панацею от наших проблем» [Elster, 1986, p. 709, 719–720].

В более общем плане нельзя не заметить, что пропагандистская кампания, развернутая вокруг базового дохода, послужила каналом переключения внимания общества с проблем роста на проблемы перераспределения, что имело негативные последствия здесь и сейчас — еще до каких-либо попыток по реализации этого глобального проекта на практике. Красота идеи не всегда искупает пагубности ее воплощения в жизнь.

Источники

Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. (2020) Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Капелюшников Р.И. (2017) Технологический прогресс — пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. № 11. С. 70–101.

Пейн Т. (1959) Аграрная справедливость // Пейн Т. Избранные произведения. М.: Издательство Академии наук СССР.

Фридман М. (2005) Капитализм и свобода. М.: Новое издательство.

Фуко М. (2010) Рождение биополитики. СПб.: Наука.

Abraham K.G., Haltiwanger J.C., Sandusky K., Spletzer J.R. (2018) Measuring the Gig Economy: Current Knowledge and Open Issues: NBER Working Paper No. 24950. Cambridge, Mass.: NBER.

Arntz M., Gregory T., Zierahn U. (2016) *The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis*: OECD Social, Employment and Migration Working Paper 189. Paris: OECD Publishing.

Bailey R. (2017) *Are Robots Going to Steal Our Jobs?* <<http://reason.com/archives/2017/06/06/are-robots-going-to-steal-our>>.

Bessen J. (2016) *How Computer Automation Affects Occupations: Technology, Jobs, and Skills*. Boston: Boston University School of Law. Law and Economics Paper No. 15–49.

Bregman R. (2017) *Utopia for Realists*. L.: Bloomsbury.

Browne J., Immervoll H. (2017) *Mechanics of Replacing Benefit Systems with a Basic Income: Comparative Results from a Microsimulation Approach* // *Journal of Economic Inequality*. Vol. 15. No. 4. P. 325–344.

Cass O. (2016) *The End of Work Why a Universal Basic Income Is a Terrible Idea* // *National Review*. Vol. 68. No. 11. P. 35–37.

Cole G.D.H. (1953) *A History of Socialist Thought*. L.: Macmillan.

Collier L. (2020) *Universal Basic Income* // *CQ Researcher*. Vol. 30. No. 10. P. 1–57.

De Wispelaere J., Stirton L. (2004) *The Many Faces of Universal Basic Income* // *Political Quarterly*. Vol. 75. No. 3. P. 266–274.

Eichhorst W., Hinte H., Rinne U., Tobsch V. (2016) *How Big is the Gig? Assessing the Preliminary Evidence on the Effects of Digitalization on the Labor Market*: IZA Policy Paper No. 117. Bonn: IZA.

Elster J. (1986) *Comment on Van der Veen and Van Parijs* // *Theory and Society*. 1986. Vol. 15. No. 5. P. 709–721.

Farley M. (2016) *The Transformation Deal* <<https://transformationdeal.org>>.

Ford M. (2015) *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. N.Y.: Basic Books.

Foucault M. (1988) *Social Security* // *Politics, Philosophy, Culture: Interviews and Other Writings of Michel Foucault, 1977–1984* / L.D. Kritzman (ed.). L.: Routledge. P. 159–177.

Frey C., Osborne M. (2013) *The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation?* Oxford: Oxford Martin School. Working Paper.

Friedman M. (1975) Playboy Interview // There's No Such Thing as a Free Lunch. La Salle: Open Court. P. 1–38.

Gray A. (2017) Behavioural Effects of a Citizen's Income on Wages, Job Security and Labour Supply. Citizen's Income Trust <<http://citizensincome.org/research-analysis/behavioural-effects-of-a-citizens-income-on-wages-job-security-and-labour-supply>>.

Greenstein R. (2019) Policy Basics: The Child Tax Credit Center on Budget and Policy Priorities <<https://tinyurl.com/unaq3oq>>.

Groot L. (2002) Compensatory Justice and Basic Income // Journal of Social Philosophy. Vol. 33. No. 1. P. 144–161.

Guterres A. (2018) United Nations Secretary-General Address to the General Assembly. September 25 <<https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2018-09-25/address-73rd-general-assembly>>.

Harari Y.N. (2017) Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. N.Y.: Harper Collins.

Crocker G. (2015) Keynes, Piketty, and Basic Income // Basic Income Studies. Vol. 10. No. 1. P. 91–113.

Henderson D.R. (2019) Universal Basic Income, In Perspective <<https://www.hoover.org/research/universal-basic-income-perspective>>.

Honkanen P. (2014) Basic Income and Negative Income Tax: A Comparison with a Simulation Model // Basic Income Studies. Vol. 9. No. 1–2. P. 119–135.

Hoynes H.W., Rothstein J. (2019) Universal Basic Income in the US and Advanced Countries. Cambridge, Mass.: NBER. NBER Working Paper No. 25538.

Hudson J., Kühner S. (2009) Towards Productive Welfare? A Comparative Analysis of 23 OECD Countries // Journal of European Social Policy. Vol. 19. No. 1. P. 34–46.

Katz L.F., Krueger A.B. (2019) Understanding Trends In Alternative Work Arrangements In The United States Cambridge, Mass.: NBER. NBER Working Paper No. 25425.

McLean C. (2016) Basic Income and the Principles of Gender Equity // Juncture. Vol. 22. No. 4. P. 284–288.

Moffitt R. (1983) An Economic Model of Welfare Stigma // American Economic Review. Vol. 73. No. 5. P. 1023–1035.

Murray Ch. (2006) In Our Hands. A Plan to Replace the Welfare State. W.: AEI Press.

Nystrom S., Luckow P. (2014) The Economic, Climate, Fiscal, Power, and Demographic Impact of a National Fee-and-Dividend Carbon Tax. Washington, DC: Regional Economic Models; Coronado, CA: Citizens' Climate Lobby.

Offe C. (1984) Contradictions of the Welfare State. L.: Hutchinson.

Parker H. (1991) Basic Income and the Labour Market. L.: Basic Income Research Group. Basic Income Research Group Discussion Paper No. 1.

Robeyns I. (2000) Hush Money or Emancipation Fee? A Gender Analysis of Basic Income / Basic Income on the Agenda: Policy Objectives and Political Chances / R. Van der Veen, L. Groot (eds). Amsterdam: Amsterdam University Press.

Standing G. (2005) Why Basic Income is Needed for a Right to Work // Rutgers Journal of Law and Urban Policy. Vol. 2. No. 1. P. 91–102.

Standing G. (2011) The Precariat: The Dangerous New Class. L.: Bloomsbury Academic.

Van Parijs Ph. (1985). Marx, l'écologie et la transition directe du capitalisme au communisme // Marx en perspective / B. Chavance (ed.). Paris: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales. P. 135–155.

Van Parijs Ph. (1992) Competing Justifications of Basic Income // Arguing for Basic Income: Ethical Foundations for a Radical Reform / P. Van Parijs (ed.). L.: Verso.

Van Parijs Ph. (2004) Basic Income: A Simple and Powerful Idea for the Twenty-First Century // Politics and Society. Vol. 32. No. 1. P. 7–39.

World Bank (1999). Public Spending and the Poor: Theory and Evidence / D. Van de Walle, K. Nead (eds). W.: World Bank.

World Bank (2020). Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices / U. Gentilini, M. Grosh, J. Rigolini and R. Yemtsov (eds). W.: World Bank.

Yang A. (2018) *The War on Normal People: The Truth about America's Disappearing Jobs and Why Universal Basic Income Is Our Future*. N.Y.: Hachette Books.

Zwolinski M. (2013) Why Did Hayek Support a Basic Income? // *Libertarianism.org*. December 23 <<http://www.libertarianism.org/columns/why-did-hayek-support-basic-income>>.

Zwolinski M. (2014) The Pragmatic Libertarian Case for a Basic Income Guarantee / The Basic Income and the Welfare State. *Cato Unbound* <<http://www.cato-unbound.org/2014/08/04/matt-zwolinski/pragmatic-libertarian-case-basic-income-guarantee>>.

Приложение

Таблица П1. Международный опыт по внедрению программ UBI

Страна	Безу- словная	В денеж- ной форме	Универ- сальная	Государ- ственная	Охват	Размер выплат	Численность участников
Полномасштабные программы							
Монголия (2010–2012)	Да	Да	Да	Да	Национальная	2010 г. 10 тыс. тугриков (7 долл. США) / мес.; затем 21 тыс. тугриков (17 долл. США) / мес.	3 млн
Иран (2011 – н/в)	Да	Да	Да	Да	Национальная	445 тыс. реалов (40–45 долл. США) / мес. (25% медианного дохода)	97% населения
Крупные программы							
США (Аляска, 1982–н/в)	Да	Да	Да	Да	Штат	1–2 тыс. долл. США / год	615 тыс.
США (восточная территория племени Чероки, 1996 – н/в)	Да	Да	Да	Да	Племя	4–6 тыс. долл. США / год (выплаты раз в полгода)	16 тыс.
Кувейт (Amiri grant)	Да	Да	Да	Да	Национальная	3,6 тыс. долл. США, разовые	1,1 млн
Италия (Reddito di Cittadinanza)	Нет	Да	Нет	Да	Национальная	780 евро / мес.	5 млн
Макао (2008–н/в)	Да	Да	Нет	Да	Регион	Варьирующиеся годовые выплаты (2019 г.: резиденты 10 тыс. пат; нерезиденты 6 тыс. пат)	707 тыс.

Страна	Безу- словная	В денеж- ной форме	Универ- сальная	Государ- ственная	Охват	Размер выплат	Численность участников
Индия (Телангана)	Да	Да	Нет	Да	Штат (фермеры- землеладельцы)	5 тыс. руп. / акр, раз в полгода (10 тыс. руп. / год)	5,8 млн
Индия (Одisha)	Нет	Да	Нет	Да	Штат (мелкие фермеры, безземельные батраки, социально уязвимые сельские домохозяйства)	Мелкие фермеры: 5 платежей по 5 тыс. руп. / год; безземельные батраки: 3 платежа по 5 тыс., 3 тыс. и 4,5 тыс. руп. / год; социально уязвимые сельские домохозяйства: 10 тыс. руп. / год	7,5 млн
Пилотные программы							
Кения (Give Directly, 2011—н/в)	Да	Да	Да	Нет	Деревни	Долгосрочный: 23 долл. США / мес. (0,75 долл. / день) 12 лет; краткосрочный: 23 долл. / мес. (0,75 долл. / день) 2 года; разовый: 500 долл.	21 тыс.
США, 1970-е годы (Индiana, Иова: Нью Джерси, Север- ная Каролина, Сизтл, Денвер)	Да	Да	Нет	Да	Домохозяйства	Варьирующиеся гарантированные уровни и предельные ставки налога	10 тыс.
Канада (Манитоба, 1974—1979)	Да	Да	Нет	Да	Домохозяйства	Варьирующиеся гарантированные уровни и предельные ставки налога (3,8 тыс. Can\$, 0,35; 4,8 тыс. Can\$, 0,50; 5,8 тыс. Can\$, 0,75)	1,3 тыс.

Страна	Безу- словная	В денеж- ной форме	Универ- сальная	Государ- ственная	Охват	Размер выплат	Численность участников
Индия (Малхья Прадеш, 2011–2012)	Да	Да	Да	Нет	Индивиды	взрослые: 200 руп. / мес. (позднее 300 руп.); дети: 100 руп. / мес. (позднее 150 руп. / мес.)	6 тыс.
Индия (Нью Дели)	Да	Да	Да	Нет	Домохозяйства	1 тыс. руп. / мес.	100
Намбия (Отживиро- Омитара, 2008–2009)	Да	Да	Нет	Нет	Индивиды	100 долл. США / мес.	930
Финляндия (Kela, 2017–2018)	Да	Да	Нет	Да	Безработные	560 евро / мес.	2 тыс.
США (Оукленд, Калифорния)	Да	Да	Нет	Нет	Домохозяйства	1,5 тыс. долл. / мес.	100
США (Стоктон, Калифорния, 2019–2020)	Да	Да	Нет	Нет	Индивиды	500 долл. / мес.	130
Нидерланды (Утрехт)	Нет	Да	Нет	Да	Индивиды	960 евро / мес.	250
Южная Корея (Гисонгтай)	Да	Нет	Нет	Да	Молодежь до 24 лет	883 долл. США / год	170 тыс.
Испания (Барселона, 2017–2019)	Нет	Да	Нет	Нет	Домохозяйства	100–1676 евро (110–1860 долл.) / мес.	1 тыс.

Источник: [World Bank, 2020].

Kapeliushnikov, R.I.

Universal Basic Income: Does It Have a Future? [Text] : Working paper WP3/2020/04 / R. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. — 52 p. — (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). — 55 copies.

Recently, Universal Basic Income (UBI) has become one of the most hotly debated issues in both academic and publicistic literature. The paper describes the conceptual core of this project, critically evaluates the philosophical, moral and economic arguments put forward both “for” and “against” it, and summarizes evidence on implementation of social programs close to it “in spirit”. It is emphasized that UBI should be viewed as a global politico-philosophical and ethico-economic project. This explains why its full-fledged version has never been put into practice anywhere and the consequences of its real introduction are unknown. The analysis is conducted in a comparative institutional perspective, which allows us to highlight the most important differences between this scheme and alternative forms of social support. Three lines of its justification are discussed — normative, positive and “alarmist” (referring to negative processes in the labor market) ones. The author concludes that UBI has no future as a real program of action. This project contradicts the latest trends in the evolution of welfare state; the costs associated with it are fiscally unbearable; most people perceive it as morally unacceptable. Most likely, UBI awaits for the fate of another cabinet utopia.

Препринт WP3/2020/04

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее?

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Тираж 55 экз. Уч.-изд. л. 3,1
Усл. печ. л. 3,1. Заказ № . Изд. № 2325

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»